Литературные страницы

Приложение к № газеты «Великолукская правда»

Жизнь – Отечеству, честь – никому

Среди тех, чьим подвигам посвящен воссозданный памятник в честь событий 1812 года, немало широко известных имен. Так, в Военной галерее Зимнего дворца находится около двух десятков портретов генералов, прославивших свое имя в сражениях на полоцкой земле.

Справедливости ради следует рассказать о боевом пути удивительного человека – Сергея Васильевича Непейцына.

Как выяснилось, открыл для широкой аудитории это имя известный советский историк Владислав Михайлович Глинка – один из ведущих специалистов СССР в области русской культуры, блестящий знаток истории Отечественной войны 1812 года и движения декабристов, который написал о неизвестном герое две повести, увидевшие свет в 60-е годы. К сожалению, в Полоцке эти произведения оказались незамеченными, во всяком случае, информация о генерале С.В. Непейцыне в материалах местных краеведов отсутствует. Кто же этот человек, каковы его заслуги перед Отечеством и перед полоцкой землей?

Сергей Васильевич Непейцын родился в Великолукском уезде Псковской губернии в 1784 году. По семейному преданию, фамилией он обязан своему дальнему предку, служившему в свите тверского князя Михаила Ярославича и отказавшемуся, находясь в Золотой Орде, выпить за здоровье татарского хана. За это смельчаку вырвали язык.

Своего отца, бедного помещика, будущий герой не помнил: он погиб при пожаре, когда Сергею было три года. Воспитывал мальчика и его младшего брата Осипа дядя, отставной подполковник драгунского полка Семён Степанович Непейцын. Заменив племянникам отца, дядя обучил мальчишек первым премудростям военного дела и грамоте.

Одиннадцати лет подросток вместе с братом был определен в Шляхетский артиллерийский кадетский корпус, где его однокашниками стали известные впоследствии герои Отечественной войны 1812 года генералы И.С. Дорохов и В.Г. Костенецкий, а также будущий видный военный и государственный деятель А.А. Аракчеев.

В 17 ЛЕТ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПРАПОРЩИК

Сергей Непейцын и его брат Осип были направлены в действующую армию. Шла война с Турцией, и братьев зачислили в Бугский егерский корпус, которым командовал тогда генерал-майор М.И. Кутузов. Объезжая русские позиции, командующий русской армией светлейший князь Г.А. Потёмкин обратил внимание на братьев Непейцыных. Оказалось, что в Первую русско-турецкую войну Потёмкина от верной гибели спас их дядя Семён Степанович Непейцын. В результате этой встречи Осип Непейцын стал ординарцем Потёмкина, а Сергей Непейцын от предложения Потёмкина служить в его окружении отказался и продолжил службу в Бугском егерском корпусе.

Молодой офицер получил боевое крещение в боях под Очаковом. 6 декабря 1788 года Сергей Непейцын находился среди добровольцев в передовых рядах войск, двигавшихся на штурм знаменитой крепости. Вражеская картечь настигла его на верхних ступенях штурмовой лестницы. Уже после боя однополчане услышали стон, доносившийся из-под груды тел в крепостном рве. Тяжело раненного Непейцына доставили в полковой лазарет, где лекарь ампутировал державшуюся только на сухожилиях ногу, выше колена. Заметим, что современную анестезию тогда заменяли два стакана водки и платок в рот, чтобы больной, борясь с болью во время ампутации, не откусил язык.

За героизм в бою при штурме Очакова юному прапорщику вручили орден Св. Владимира 4-й степени и золотой Очаковский крест – награда, которой удостоились только очень немногие из отличившихся. Но перспективы рисовались не самыми радостными: казалось, не то что служба – сама жизнь закончена!

Спустя два года, похоронив мать, сердце которой не выдержало тяжелого известия о гибели на дуэли младшего сына, Непейцын направляется в Петербург. Необходимо было выхлопотать пенсию и попытаться устроиться на службу хотя бы в инвалидную роту. В столице произошла встреча героя с великим русским изобретателем Иваном Петровичем Кулибиным, который вызвался сделать для инвалида механический протез. Обещание изобретателя не разошлось с делом, и вскоре Сергей Непейцын сумел, сначала опираясь на трость, а потом и без нее, почти не хромая, пройти на изготовленном шорником по чертежам Кулибина протезе. За свою работу механик не взял ничего, только попросил оплатить труд и материалы шорника, оцененные в тридцать семь рублей серебром. В архиве Российской академии наук хранится записка самого И.П. Кулибина: «Прошлого 1791 года в сентябре месяце по моему указанию сделана нога в Санкт-Петербурге артиллерии офицеру Непейцыну, лишившемуся оной в Очаковском штурме». Это был первый, если не в мире, то в России точно механический протез, о котором тогдашнее светило медицины, профессор хирургии Иван Буш сказал: «Мастер Кулибин, зная совершенно потребные свойства искусственных членов, удивительно соединил оные в своей машине...»

Непейцын, привыкнув к «новой ноге», сумел решить вопрос о продолжении службы, и в 1792 году его назначили командиром охранной роты на Тульский оружейный завод. Здесь судьба офицера совершила еще один непредвиденный поворот. В 1806 году на завод с проверкой приехал недавний однокашник А.А. Аракчеев (к этому времени уже генерал-лейтенант и инспектор артиллерии). Тот самый, к которому в кадетском корпусе обращались по кличке – «Аракщей». Видимо, не забыв этого, высокопоставленный инспектор отстранил инвалида от должности, объясняя это тем, что «… его механическая нога может заскрипеть во время парада и нарушить чин церемонии». Чтобы скрасить ситуацию, увольнение со службы совместили с производством в подполковники и награждением орденом Св. Анны 2-й степени.

Подполковник С.В. Непейцын попал на родину, в Великие Луки, где сменил на должности городничего своего умершего дядю. Жители уездного города любили и уважали своего городничего, много сделавшего для улучшения их быта. Честность и неподкупность городничего, его независимый характер и нежелание преклоняться перед «власть имущими» привели Сергея Васильевича к конфликту с проезжим вельможей (графом Салтыковым) и вынудили оставить службу. Случилось это накануне вторжения армии Наполеона в Россию.

В 1812 году отставной подполковник Непейцын поступил добровольцем в 24-й егерский полк Отдельного корпуса генерала Витгенштейна. Полком в это время командовал его друг детства, воспитанник Греческого кадетского корпуса (Корпус чужестранных единоверцев) Е.И. Властов – один из немногих, кто был награжден Георгиевским орденом 3-й степени, минуя низшую 4-ю степень, и единственный полковник русской армии, награжденный генеральским орденом Святой Анны 1-й степени с алмазами. Этот орден Властов получил в знак признания его военных заслуг при сражении у Клястиц. Там же, у Клястиц, уже в первом бою отличился и С.В. Непейцын. Затем последовали другие боевые эпизоды: Якубово, Полоцк, Смольна... В дальнейшем С.В. Непейцын командовал сводным драгунским дивизионом. Драгуны под командой Непейцына нападали на гарнизоны и обозы противника, истребляли мародеров. Многим тогда стали известны лихие дела партизан подполковника Непейцына: разгром крупного отряда французов у Козьян, бой у Стефановичей. Трудно себе представить, с какими трудностями сталкивался кавалерист-инвалид, управляя лошадью в бою! С 16 сентября 1812 года отставной подполковник Непейцын был восстановлен в службе. За умелые партизанские действия 21 сентября 1812 года Сергей Васильевич был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени, а 1 октября этого же года он получил чин полковника.

За боевые заслуги Александр I велел перевести полковника Непейцына «тем же чином» в прославленный лейб-гвардии Семёновский полк, шефом которого был сам император. В составе полка Непейцын принимал участие в сражениях при Кульме, Лейпциге, Париже. За Кульм Награжден Золотым оружием и прусской наградой – Кульмским Крестом. Вскоре после заграничного похода Непейцын «по собственному прошению» вышел в отставку, получив при этом чин генерал-майора.

С.И. ПОЛЯКОВ

1812. Что было на самом деле

Вокруг Отечественной войны 1812 года до сих пор идет много споров. К годовщине Бородинской битвы наш обозреватель Олег Черных суммировал выводы наиболее авторитетных исследователей.

Ответы на пять самых частых и «неудобных» вопросов о вторжении Наполеона — в материале «Фомы»!

Была ли война с Наполеоном неизбежна? Разве нельзя было договориться?

Отечественная война 1812 года унесла жизни сотен тысяч людей. Даже более: потери только в русской армии и среди гражданского населения России по оценкам историков достигают миллиона человек.

А потому совсем не праздным является вопрос: можно ли было решить дело миром? Ведь в течение нескольких лет между Россией и Францией существовал союзный договор, а императоры двух держав называли себя братьями. К тому же на фоне постоянных проблем в наших отношениях с Англией (против которой Наполеон тогда воевал) был смысл помочь разгрому этой державы. Тем более сейчас мы знаем, сколько проблем у России было с «владычицей морей» впоследствии, в XIX веке – на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Черном море, на Кавказе, – вплоть до прямого военного столкновения. Зачем же Александру I было отвергать дружбу с Бонапартом, отказываться от союза с ним?

Для ответа на этот вопрос необходимо посмотреть на положение дел в Европе, которое складывалось в начале XIX века. Одним из ключевых противоречий европейской (по тем временам это значило – мировой) политики было соперничество Англии и Франции. Оно уходит корнями в XVII век, а после Французской революции и начала революционных войн только обострилось.

Противостояние продолжилось и с приходом Наполеона к власти. В 1805 году он даже собрал на берегу Ла-Манша армию вторжения в Англию, однако разгром англичанами французского и испанского флота (Испания в тот момент была союзником Наполеона) перечеркнул эти планы.

Кроме Франции и Англии в Европе было три великих державы – Австрия, Пруссия и Россия. Все они принимали участие в войнах против революционной Франции, когда Бонапарт был генералом республиканской армии. Несмотря на то, что Наполеон объявил себя в 1804 году императором и попытался отказаться от своего революционного прошлого, каждая из этих держав все более опасалась установления гегемонии Франции, что могло означать потерю суверенитета и даже, как показал пример Испании в 1808 году, замену правящей династии на родственников Наполеона.

Очень примечательно, в какой момент Наполеон принял решение «завоевать море через сушу», т. е. запретить всем странам континентальной Европы торговать с Англией, чтобы «задушить» ее экономику. Эта идея пришла французскому императору в голову в 1806 году, когда он одержал ряд оглушительных побед над армиями антифранцузских коалиций и вошел в столицу Пруссии Берлин. Неожиданно быстрый для самого Наполеона разгром державы, армия которой считалась одной из сильнейших в Европе, привел его к мысли, что он может навязать свою волю всем странам континента.

Политика континентальной блокады, предполагавшая разрыв многовековых экономических связей, вызвала непонимание не только у союзников Французской империи, но даже у ее чиновников. Родной брат Наполеона Луи, которого он сделал королем Голландии, в 1810 году из-за нарушения блокады, которое король позволял в интересах своих новых подданных, лишился престола.

Однако французский император продолжал настойчиво внедрять свою систему, несмотря на повальное взяточничество и саботаж таможенников своей империи. Он открыто объявил врагами всех, кто поддерживает торговые связи с англичанами. Претензии Наполеона на гегемонию исключали ситуацию, когда хотя бы одно государство континента может не соблюдать блокаду. Поэтому Наполеон предпринял в 1807 году вторжение в Португалию, впоследствии лишил выхода к Адриатическому морю Австрийскую империю, присоединил к своей империи Ганзейские города в Северной Германии.

Россия в начале XIX века пыталась найти дипломатическое решение и не ввязываться в европейский конфликт. Но непомерное расширение империи Наполеона и его растущие амбиции с российской точки зрения становилось опасными для нашей страны. В 1805–1807 годах Россия приняла активное участие в антифранцузских коалициях. Мир и союзный договор с Наполеоном были заключены не в результате переосознания российских государственных интересов, а вынужденно, после крупных поражений в 1805 и 1807 годах и разгрома союзников – Австрии и Пруссии. Которые на время союзниками быть перестали.

Россия подписывала договор, чтобы получить передышку перед очередным столкновением (параллельно она воевала с Турцией и Персией, причем война с Турцией, которая шла с 1806 по 1812 год, была спровоцирована французской дипломатией). Исполнение требований Наполеона, которое уже обернулось большими экономическими потерями, в перспективе вело к изоляции страны. Это означало лишь отсрочку столкновения с Французской империей и ее союзниками, но в еще более тяжелых условиях. Один на один с гигантской армией, которая больше не отвлекалась на борьбу с англичанами в Испании и обеспечение континентальной блокады. А сверх того Наполеон мог пригласить в коалицию шведов и турок. То есть возникла ситуация, когда жизненные интересы России и Англии совпали.

На поле Аустерлица. Андрей Болконский и Наполеон, 1805
Кадр из фильма «Война и мир». Режиссер С. Бондарчук, киностудия «Мосфильм», 1967

Союз с Наполеоном по мере перекройки Европы становился немыслимым с точки зрения нашего будущего. Вопрос уже стоял не о том, будет ли война. А о том, когда и в каких условиях она разразится. Никаких иллюзий в России на этот счет не было, и русское правительство использовало пятилетнюю передышку 1807–1812 годов для подготовки к будущему столкновению. Была успешно завершена война с Турцией, проведена реорганизация армии, увеличена ее численность, развернуто строительство крепостей вдоль западной границы.

В 1810 году Наполеон понял, что Россия вышла из блокады, а войну с Англией фактически имитирует. И в свою очередь, начал развертывать огромную армию на территории Польши и Германии у границ России. Если в предыдущих кампаниях численность армии под командованием Наполеона редко превышала 200 тысяч, то к 1812 году достигла беспрецедентной по тем временам цифры в 600 тысяч человек (против 240 тысяч у России). Не дождавшись от Александра I начала боевых действий (Бонапарт был уверен, что русские попытаются ударить первыми), он перешел Неман. Началось вторжение Великой армии в Россию. Перед походом на Россию он прямо заявил одному из своих приближенных Доминику Прадту: «Через пять лет я буду хозяином мира; остается Россия, но я ее раздавлю». В окружении французского императора уже возникали идеи о том, чтобы исключить Российскую империю из «списка» европейских держав, вернуть к допетровским границам. А прежде всего – Россия должна была поддержать французскую экспедицию в английские владения в Индии.

«Александр Македонский достиг Ганга, отправившись от такого же далекого пункта, как Москва, <...> а Ганга достаточно коснуться французской шпагой, чтобы обрушилось это здание меркантильного величия (т. е. Англия)», – говорил Наполеон графу Нарбонну накануне вторжения.

В 1812 году Россия была пока еще нужна Наполеону как союзник в войне с Англией, но неравноправный. Поэтому целью наполеоновского нашествия был не Санкт-Петербург и не Москва. Ему был нужен очередной мир, «подписанный на барабане» после разгрома русских армий, который вернул бы Россию в фарватер его политики.

Но пойти на поклон к завоевателю Россия отказалась.

Почему Наполеон наступал на Москву, если столицей был Санкт-Петербург?

Такой вопрос не может не возникать: ведь в те времена столица Российской империи располагалась не в Москве, а именно в Санкт-Петербурге. Двигаясь в сторону Первопрестольной, главные силы армии Наполеона оказывались все дальше и дальше от места, где находился император Александр I. Чего же хотел Наполеон, наступая на Москву?

Ответ на этот вопрос неожиданный, но важный для понимания истории Отечественной войны 1812 года. Дело в том, что французский император вообще заранее не планировал, не ставил самостоятельной целью захват Москвы, Санкт-Петербурга или какого-либо крупного города. Стратегический принцип Наполеона вообще состоял не в занятии территории.

«В Европе немало хороших генералов, – говорил Бонапарт, – но они видят сразу слишком много целей. Я вижу только одно – массы неприятельских войск. Я стараюсь их уничтожить, будучи уверен, что все остальное рухнет вместе с ними».

Эта концепция подтверждалась опытом предыдущих кампаний Наполеона – он прекрасно нал, что само по себе взятие столицы противника или каких-то крупных городов не лишает его воли к сопротивлению. Например, французская армия два раза – в 1805 и 1809 годах – брала Вену, но австрийцы продолжали сражаться. Лишить противника воли к сопротивлению, покончить с ним вовсе или принудить к миру, «подписанному на барабане», удавалось лишь после поражения армий. При Аустерлице – в 1805 году, при Ваграме – в 1809-м. А где именно удастся разгромить военную силу противника – в городе или чистом поле – несущественно. И после вторжения в Россию Наполеон добивался одного: решающего сражения, в котором будет разгромлена русская армия.

Кутузов на Бородинском поле, 1812
Сергей Герасимов, 1952. Музей-панорама «Бородинская битва»

Понимало ли русское командование цель противника? Очень ясно понимало, о чём свидетельствует переписка Александра I и командующих русскими армиями. И действовало неожиданно для Наполеона, постоянно маневрируя, отступая, используя партизанские отряды на путях снабжения его армии. До последнего отказываясь от генерального сражения, к которому Бонапарт так стремился. Наличие трех полевых армий для самостоятельных действий: Барклая, Багратиона и Тормасова (1-я и 2-я Западные, 3-я Обсервационная) позволяло в одном случае атаковать французов с их союзниками, в другом случае, отступая, идти на соединение друг с другом (это и произошло с войсками Барклая де Толли и Багратиона под Смоленском). А если требовалось, оперативно создавались новые соединения. Так, для прикрытия дороги на Санкт-Петербург из армии Барклая был выделен усиленный корпус Витгенштейна численностью 25 тысяч человек.

Вторжение Наполеона в Россию. Переправа через Неман, июнь 1812
Д. Х. Кларк, М. Дюбур. Раскрашенная гравюра. Ок. 1816 г./ McGill University Napolen Collection

В результате основные силы Наполеона увязались в погоню за главными силами русских. И заранее того не планируя, оказались под Москвой, а после Бородинской битвы – в самой Москве.

Но что же Санкт-Петербург? Сама по себе столица Наполеона мало интересовала, тем более что там находился император Александр, с которым он собирался подписать «мир на барабане».

Но вот снять угрозу в виде русских войск на северном фланге своих сил, показательно разгромить отдельный русский корпус – такая цель укладывалась в его стратегию. Первоначально против Витгенштейна выступило два армейских корпуса, под командованием Макдональда и Удино. Однако, несмотря на численное превосходство французов, Витгенштейну удалось воспользоваться разобщенностью войск противника и нанести им поражение при Клястицах. В итоге русские войска Витгенштейна еще более явно стали угрожать коммуникациям Наполеона. Тогда на помощь Удино и Макдональду был отправлен баварский корпус Сен-Сира. Однако из-за болезней и массового дезертирства к сентябрю их численность резко сократилась. Наступление там окончательно захлебнулось, и судьба кампании решалась вокруг Москвы.

Наступление главных сил Великой армии (французы называли их «экспедиционной армией», а затем «Московской армией») превратилось в бесконечную гонку за войсками Барклая и Багратиона, а позднее – ставшего командующим Кутузова.

Наконец соединенные русские армии дали сражение при Бородине, которого так хотел Наполеон, ожидая, по его словам, что «все остальное рухнет вместе с ними».

Разгромить русские армии не удалось – несмотря на большие потери, они сохранили боеспособность. И Наполеон вопреки собственному принципу решил, что взятие Москвы вынудит русских просить мира.

Однако использовать Москву как «разменную карту» на переговорах у французов не получилось – Александр I от них просто отказался, оставляя все послания Наполеона без ответа.

Москва пострадала в страшном пожаре, армия Кутузова смогла снова уйти и начала пополняться и готовиться к наступлению. Для Наполеона и его империи это стало началом конца...

Наполеон отправил в Россию 600 тысяч солдат. Почему под Бородином оказалось вчетверо меньше?

Готовясь к войне, Наполеон собрал против России беспрецедентно огромную по тем временам армию в 600 тысяч солдат, из них 450 тысяч – в первом эшелоне. При этом во время боев под Смоленском главные силы Наполеона насчитывали 185 тысяч, а при Бо-

родине – лишь около 130 тысяч. Почему так произошло? Соответствовало ли это планам русского командования? И как это соотносилось с замыслами Наполеона?

Как и во многих вопросах, связанных с Отечественной войной 1812 года, тут начинающего знакомиться с темой человека встретят неожиданные открытия. Несмотря на то, что никакого формально утвержденного Александром I генерального плана войны историкам не известно, сохранилось немало документов, позволяющих судить о замыслах военно-политического руководства России, – оперативная документация и переписка. Смысл этих документов мы можем понять, опираясь на наше «послезнание», то есть возможность спустя два с лишним века сделать выводы из реального хода боевых действий.

Уже в наши дни историк Виктор Безотосный нашел в Российском государственном военно-историческом архиве документ под названием «Патриотические мысли, или Политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россиею и Франциею». Эта аналитическая записка была составлена 2 апреля 1812 года (по старому стилю, то есть менее чем за три месяца до начала войны) по распоряжению Барклая де Толли подполковником Чуйкевичем, служившим в Особенной канцелярии военного министерства – так назывался орган, координировавший деятельность военной разведки, недавно созданный Барклаем. Незадолго до начала войны русской разведке удалось добыть точные сведения о расписании Великой армии, на которые опирался автор записки. Текст документа выглядит так, словно Чуйкевич успел заглянуть в будущее, воспользовавшись таинственной машиной времени. Что же он предлагал в документе?

Исходя из двукратного численного превосходства противника и анализа стратегических принципов Наполеона («прославился быстротою в военных его действиях», «ищет генеральных баталий, дабы одним или двумя решить учесть целой войны»), автор записки сформулировал ключевую идею стратегии будущей войны: «предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает (подчеркнуто в оригинале)». Это означало «уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки… Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык…».

По мысли автора записки, «потеря нескольких областей не должна нас устрашать, ибо целость государства состоит в целости его армий». Когда же численность неприятельской армии сократится, надо дать сражение «со свежими и превосходящими силами», и «тогда можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомимое, на что мы имеем перед ним важное преимущество в числе и доброте нашей конницы».

«Патриотические мысли…» – это аналитическая записка, а не утвержденный императором план войны (найти такой план исследователям не удалось). Тем не менее, мы можем определенно утверждать, что Барклай разделял изложенные в ней идеи и действовал в соответствии с ними вплоть до назначения Кутузова главнокомандующим. Более того, после перехода командования к Кутузову тактика русской армии не изменилась – в действиях Барклая и Кутузова видна преемственность, несмотря на их взаимную личную неприязнь.

Что же думал сам император? Как отмечал Виктор Безотосный, перед началом войны Александру было предложено более 40 планов ее ведения. Но лишь немногие авторы планов имели доступ к сведениям, полученным военной разведкой.

О мнении царя мы можем судить по его переписке в начале войны. В письмах командующим армиями (командующим Дунайской армией Чичагову и 2-й армией Багратиону) мы находим сходные мысли: необходимо уклоняться от генерального сражения ввиду подавляющего превосходства противника, вести войну затяжную, «сколь угодно продолжительную». В письме графу Салтыкову даже обсуждается возможность вывоза ценностей из Петербурга. К необходимости длительного отступления армий постепенно готовили общественное мнение и официальные «Известия о военных действиях».

Из письма Александра I графу Н. И. Салтыкову: «До сих пор благодаря Всевышнему все наши армии в совершенной целости, но тем мудрее и деликатнее становятся все наши шаги. Одно фальшивое движение может испортить все дело противу неприятеля, силами нас превосходнее, можно сказать смело на всех пунктах. Противу нашей 1 -й армии, составленной из 12-ти дивизий, у него их 16 или 17, кроме трех направленных в Курляндию и на Ригу. Противу Багратиона, имеющего 6 дивизий, у неприятеля их 11. Противу Тормасова одного силы довольно равны. Решиться на генеральное сражение столько же щекотливо, как от оного отказаться, в том и другом случае можно легко открыть дорогу на Петербург, но потеряв сражение, трудно будет исправиться для продолжения кампании. На негосияции (переговоры. – *Ред.*) же нам надеяться нельзя, потому что Наполеон ищет нашей гибели и ожидать доброго от него есть пустая мечта. Единственно продолжением войны можно уповать, с помощью Божию, перебороть его».

Сражение за Смоленск, август 1812
Александр Аверьянов. 1995.Музей-панорама «Бородинская битва»

Поэт, гусар и партизан Денис Давыдов
Евгений Демаков. 2012

Итак, после перехода войсками Наполеона границ Российской империи вместо генерального сражения, которого тот жаждал, наши войска начинают отступать вглубь страны. Это был «сюрприз»: Бонапарт рассчитывал на скоротечную кампанию – в письме жене он писал, что через три месяца всё будет кончено. Его замысел заключался в том, чтобы «умножить массу на скорость»: разгромить русские армии у границы, используя подавляющее численное превосходство. При этом совершенно не рассматривался вариант их глубокого стратегического отхода – предполагалось, что русские не будут отдавать без боя свою территорию. Но именно это они и сделали.

Сразу же (даже до пересечения границы, уже в момент сосредоточения) у Великой армии начались проблемы со снабжением. Территории Польши и Восточной Пруссии были слишком бедными, и часто даже за большие деньги невозможно было купить продовольствие и корм для лошадей. Уже тогда участились случаи дезертирства.

Пытаясь нагнать и окружить отступающие русские армии, войска Наполеона двигались форсированными маршами, обозы не успевали доставить заготовленные на границе запасы продовольствия. В результате уже в первый месяц войны, когда Великая армия достигла Витебска (480 км от границы), ее потери от недостатка продовольствия, болезней и дезертирства достигали трети личного состава, а из-за падежа лошадей численность конницы сократилась почти вдвое. Один из приближенных Наполеона, Арман Коленкур, писал: «Эта кампания, которая без реального результата велась на почтовых от Немана... до Витебска, уже стоила армии больше чем два проигранных сражения».

Более того, пять армейских корпусов Наполеону пришлось выделить для действий на флангах: три – на север против корпуса Витгенштейна и два – на юг против 3-й армии Тормасова, а часть сил основной группировки держать для охраны растянувшихся коммуникаций. Например, для осады Бобруйской цитадели (гарнизон, которой насчитывал несколько сот человек) была выделена целая дивизия. Взять эту крепость так и не удалось.

По мере того как линии снабжения растягивались, настоящим кошмаром для обозов и гарнизонов Великой армии стали летучие кавалерийские отряды (упомянутые в записке), состоявшие из частей регулярной кавалерии и казаков. Их жертвами становились склады, обозы, небольшие группы солдат противника (прежде всего – фуражиры), причем их действия не были хаотичными – командование представляло, где и какой отряд находится. (Важно пояснить: эти летучие отряды, «партии», смешивают с вооруженными отрядами крестьян. Однако крестьянские отряды действовали только в пределах своей местности, при случае оказывая помощь армейским отрядам).

Стратегия русского командования в ходе первой половины войны 1812 года оказалась в целом очень эффективной и перечеркнула предвоенные планы Наполеона. Огромные потери Великая армия понесла, еще не вступив в решающие сражения. Однако чтобы победить, нашим войскам предстояло еще выстоять в неизбежном сражении, которое и состоялось «у ворот» Москвы.

Почему Бородино называют «полем русской славы», если армия отступила?

В отечественной военной истории есть куда более бесспорные военные триумфы, как, например, Полтава или Итальянский поход Суворова, состоявший из целого каскада побед над французской армией. Даже в войне 1812 года последние сражения – Вязьма, Красное, Березина – выглядят куда более бесспорными успехами: во всех случаях для Великой армии соотношение потерь было кошмарным (в боях при Красном оно превысило 1:15). Тем не менее ни одна из этих побед не занимает такого места в нашей национальной памяти, как Бородино. Результат Бородинского сражения выглядит на этом фоне очень скромно и оставляет много вопросов. Русская армия к исходу дня была выбита со своих позиций (Бородино, Семеновское, Курганная высота), затем отступила, а Москву защитить не смогла. Так почему же Бородино называют «полем русской славы»?

Прежде всего необходимо разобраться, какими силами располагали стороны. Ведь существует мнение, что русская армия обладала численным превосходством, и при этом Наполеон весь день успешно атаковал, искусно создавая перевес на нужных участках.

Сохранившаяся боевая документация обеих армий позволяет довольно точно определить численность войск в день генерального сражения 26 августа 1812 года (по старому стилю). Армия Наполеона насчитывала 129 тысяч строевых солдат при 587 орудиях. В состав русской армии входило 108 тысяч регулярных войск, 9,5 тысяч казаков при 620 орудиях и 32 тысячи ратников ополчения. Ополченцы, за исключением нескольких батальонов, практически не отличались от нестроевых (две трети ратников даже не имели ружей). Недоразумение возникает, когда их включают в общую численность русской армии, чего военному специалисту того времени никогда бы не пришло в голову. Поэтому говорить о численном превосходстве русской армии невозможно.

Бородинское сражение. Бой за Багратионовы флеши, сентябрь 1812
Александр Аверьянов. 1992. Музей-панорама «Бородинская битва»

Помимо этого, армия Наполеона обладала качественным перевесом – практически все ее части имели опыт и прошли боевое слаживание. В русской армии примерно шестую часть регулярных войск составляли необстрелянные новобранцы, прибывшие буквально накануне сражения; казаки существенно уступали регулярной кавалерии по вооружению и выучке. Начальник штаба 1-й Западной армии генерал Ермолов вообще отрицал их ценность в генеральном сражении. У Наполеона также имелся существенный, в полтора раза, перевес в кирасирах: 7800 против 5400 (этот вид ударной тяжелой кавалерии при массированном применении мог прорывать даже плотные пехотные построения за счет огромного веса лошадей – более 600 кг).

Задача, которую ставил Наполеон, как всегда, была одна: разгром армии противника. Ему нужен был новый Аустерлиц, чтобы подписать «мир на барабане», который подчинил бы его требованиям внешнюю политику России. Он довольно точно оценивал численность русских войск и опасался лишь одного – что они снимутся со своих позиций и продолжат отступление. Согласно воспоминаниям его приближенных, накануне сражения он даже просыпался среди ночи, чтобы убедиться, что русские не ушли.

О намерениях Кутузова нам судить сложнее – он скончался в 1813 году и воспоминаний не оставил. Задача, которая стояла перед ним, была противоречивой: необходимо было дать генеральное сражение и при этом избежать разгрома армии.

Дело в том, что длительное отступление крайне пагубно сказывалось на состоянии русской армии: падала дисциплина, участились случаи дезертирства. Поэтому нельзя было оставить Москву без боя – это могло подорвать авторитет главнокомандующего и привести к полной потере управления.

(Окончание на стр. 8)

Благодаря подвигу Раевского под Салтановкой Багратион смог увести войска и соединить армии под Смоленском, июль 1812
Николай Самокиш. 1912. Музей-панорама «Бородинская битва»

1812. Что было на самом деле

(Окончание. Начало на стр. 6)

Задача Кутузова осложнялась тем, что русской армии пока не удалось достичь перевеса в кавалерии (как это будет во второй половине кампании) и сведения о численности армии противника были неточными. Он исходил из несколько завышенной оценки в 150 тысяч. Растянутое построение русской армии ясно указывает на то, что русский главнокомандующий опасался обхода позиции, который неминуемо привел бы к полному разгрому. Значительные силы (два из семи пехотных корпусов) были выделены для прикрытия дорог, по которым в случае неудачного исхода сражения предстояло совершить отход.

Таким образом, Наполеону принадлежала инициатива, а растянутость фронта позволяла выбрать место для нанесения удара превосходящими силами.

Сражение отличалось крайним ожесточением.

Потери обеих сторон были огромны: с каждой стороны выбыло из строя более четверти состава и около трети генералов (28 из 73 у русских, 51 из 150 – у французов). Русские задействовали почти все силы, но Наполеон так и не решился ввести в бой свой последний резерв – Императорскую гвардию, несмотря на просьбы своих маршалов.

Французский историк и участник сражения Пеле-Клозо, служивший при штабе Великой армии и впоследствии изучавший русские боевые документы, писал: «Следовало ли вечером двинуть, под страшным огнем, Императорскую гвардию, единственный резерв, не введенный в дело? Она могла быть истреблена прежде, чем дошла бы до неприятеля со своим грозным штыком. Она назначалась не для такого боя».

Филипп-Поль де Сегюр, адъютант Наполеона в 1812 году, писал: «Французские солдаты не обманывались. Они изумлялись тому, что так много врагов было перебито, так много было раненых – и так мало пленных! Не было даже восьмисот! Обыкновенно по числу этих последних и определяется успех. Убитые свидетельствовали скорее о храбрости побежденных, нежели о нашей победе. Если остальные могли отступить в таком порядке, гордые и не упавшие духом, то какая польза была в том, что поле битвы осталось в наших руках?»

Наполеон смог нанести русской армии тяжелые потери – 44–45 тысяч, при том, что потери его армии были несколько меньше – 35–40 тысяч. Но устроить русским новый Фридланд ему так и не удалось.

Армия Наполеона к 17 часам (задолго до конца светового дня) была настолько измотана, что прекратила атаки, а когда русские начали отход с поля боя, уже была не в состоянии организовать преследование.

В тяжелейших условиях русская армия смогла выстоять этот день, а после совершить организованный отход.

Как это часто бывает, великое событие обрастает преувеличениями. Не стало исключением и Бородино. В реляции о сражении Кутузов сообщал императору, что «неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами», а отступление с поля боя на 6 верст объяснял тем, что позиция из-за понесенных потерь стала для армии «невместною». Еще более восторженно писал императору Барклай: неприятель, «отраженный от всех пунктов с бесчисленною потерею, удалился с места сего… беспримерного сражения».

Но, как мы показали выше, великая легенда возникла не на пустом месте – даже многим французским участникам сражения его результат казался невнятным.

По точному выражению Лермонтова Москва сдана была «недаром»:

Совет в Филях, сентябрь 1812
Алексей Кившенко. 1880. Государственная Третьяковская галерея
«Березина» стала синонимом полного разгрома, ноябрь 1812
Литография В. Адама. Середина XIX в.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

Несмотря на то, что Москву защитить не удалось, а войска были потрясены решением о ее оставлении, результат Бородинского сражения и его последствия для России оказались, по выражению участника сражения графа Михаила Воронцова, «благоприятными». Русская армия сохранила волю к продолжению борьбы.

Наполеон объявил Бородино своей победой и имел для этого основания – поле боя осталось за ним. Но его стратегическая цель достигнута не была: русская армия не была разгромлена и сохранила боеспособность. После Бородина Наполеон почему-то потерял из виду свою главную цель – начал думать, что сам по себе захват Москвы сломает русских и они запросят мира.

Но после занятия Москвы Наполеон уже не ставил задачу разгрома армии противника – то, к чему он неуклонно стремился во всех своих предыдущих кампаниях. Два месяца в Москве он ждал, что русский царь ответит на его предложения о мире.

И чем дальше, тем яснее проявлялись тревожные симптомы состояния армии Наполеона. Когда она покидала Москву, то, согласно воспоминаниям участников похода, напоминала азиатскую орду, возвращавшуюся после удачного набега. Французский император так и не решился отдать приказ бросить награбленное, несмотря на острую нехватку лошадей.

Дальнейшие события подтвердили правоту идеи, изложенной в аналитической записке Чуйкевича: «целость государства состоит в целости его армий» – русская армия, несмотря на тяжелые

«В Кремле – пожар!»
Василий Верещагин. 1887–1898

потери, сохранила боеспособность, а затем смогла восстановить свою численность. Бородино стало могилой французской кавалерии, что пагубно сказалось и на состоянии разведки армии Наполеона, действовать которой во второй половине кампании оставалось вслепую.

В день сражения он еще не понимал, что при Бородине он по-

«Березина» стала синонимом полного разгрома, ноябрь 1812
Литография В. Адама. Середина XIX в.

терял последний шанс для успешного завершения войны.

Спустя два месяца, когда Наполеон понял, что «мира на барабане» не будет, и начал отступление, восстановившейся русской армии удалось, как написал Чуйкевич, «вознаградить с избыт- ком всю потерю», устроив неприятелю «преследование… быстрое и неутомимое».

Говорят, в 1812-м за русских воевал «генерал Зима»

Именно такое объяснение катастрофы Великой армии в России давал сам Наполеон в своем 29-м бюллетене. Ключевой причиной ее гибели якобы стала зимняя стужа.

По мнению Наполеона, в начале ноября 1812 года внезапно ударили сильные морозы, которые вызвали гололедицу и в несколько дней погубили почти всех лошадей его армии. В результате она вынуждена была бросить большую часть артиллерии и запасов продовольствия и стала беззащитной от налетов казачьей конницы. А до 6 ноября (н. ст.), согласно бюллетеню, «погода была прекрасная, и движение армии происходило с наилучшим успехом». Действиям регулярной русской армии в бюллетене отводится самое скромное место.

Спустя двадцать два года Денис Давыдов в своей статье «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?» с досадой отмечал, что наполеоновское объяснение получило распространение не только в Европе, но и в русском обществе, даже среди ветеранов 1812 года. Несмотря на поражение Франции в наполеоновских войнах, ее культурное влияние на русское дворянское общество продолжало быть огромным.

Насколько объяснение наполеоновского бюллетеня соответствует действительности?

Первый снег в 1812 году выпал 3 ноября, накануне боев под Вязьмой. К тому времени состояние главных сил армии Наполеона уже оставляло желать много лучшего. В боях за город французские корпуса, несмотря на общее численное превосходство (30–40 тысяч против 25–30 тысяч русских), потеряли вчетверо больше, чем авангард Милорадовича (7000 против 1800), причем большую часть потерь армии Наполеона составили пленные. Причины ее столь плачевного положения не могли быть связаны с зимними холодами.

В дальнейшем морозы часто сменялись оттепелью. Так, 19 ноября, после боев под Красным, остатки корпуса Нея переходили Днепр по тонкому льду, причем часть солдат провалилась. Результат этого сражения для Великой армии был еще более ужасающим. Одними только пленными она потеряла около 20 тысяч солдат, при этом потери русской армии составили около 2000 человек. Русские захватили более 200 пушек – половину артиллерийского парка Великой армии.

Наконец, 26 ноября при переправе через Березину французам пришлось наводить мост, потому что река не замерзла.

Когда армия Наполеона подошла к Березине, из всех ее войск боеспособность сохраняли лишь остатки гвардии и корпуса Виктора и Удино.

Эти два корпуса не принимали участие в походе на Москву и присоединились к главным силам Великой армии лишь накануне переправы.

Именно эти войска осуществили прорыв из окружения и прикрытие отхода главных сил.

Поскольку корпуса Виктора и Удино в ноябре 1812 года действовали в тех же погодных условиях, что и главные силы Наполеона, то причины низкой боеспособности его армии под Вязьмой и Красным, очевидно, с зимними холодами не связаны.

Так в чем же дело?

Покидая Москву 19 октября, армия Наполеона имела 20-дневный запас продовольствия. Замысел французского императора заключался в том, чтобы отступить к тыловой базе в Смоленске, получить подкрепления, пополнить запасы и продолжить активные действия. Маршрут предполагаемого движения к Смоленску должен был пройти через не разоренные войной районы Калужской губернии. Однако в сражении при Малоярославце армия Кутузова остановила движение Наполеона на Калугу, «выдавив» его армию на разоренную дорогу через Бородино и Вязьму. И при этом продолжала параллельное преследование, не давая противнику остановиться на отдых. А на коммуникациях Великой армии продолжали действовать партизанские отряды.

9 ноября Наполеон, наконец, добрался до Смоленска, но его надежды на отдых и восстановление армии в не оправдались: запасы продовольствия оказались невелики, а после ухода гвардии их организованное распределение оказалось невозможным из-за падения дисциплины. По воспоминаниям французского интендантского чиновника Пюибюска, служившего в Смоленске, солдаты были «похожи на людей, убежавших из сумасшедшего дома».

В довершение всех несчастий Великой армии русские начали наступление на ее флангах: 19 октября корпус Витгенштейна выбил противника из Полоцка и перешел Двину, а 16 ноября (во время боев под Красным) армия Чичагова заняла Минск – важнейшую тыловую базу французов, перерезав их коммуникационную линию.

Таким образом, основной причиной низкой боеспособности армии Наполеона был недостаток продовольствия. Эта ситуация была создана действиями русских войск (наступлением армий и рейдами партизан) еще до наступления сильных холодов.

В начале декабря, уже после переправы армии Наполеона через Березину, наконец ударили двадцатиградусные морозы (которые, собственно, и отличают климат Русской равнины от Западной Европы). В этот период от холода погибли десятки тысяч ее солдат, но на исход кампании это уже никак не влияло. По-видимому, эти события хорошо запомнились участникам кампании, и Наполеон решил этим воспользоваться, приписав зимним холодам решающую роль в гибели своей армии.

Ирония состоит в том, что именно эти морозы, сковавшие лед на Зембинских болотах к западу от Березины, обычно непроходимых осенью, позволили Наполеону и остаткам его армии выскользнуть из окружения.

Можно ли считать зимнюю стужу хотя бы союзником русской армии, пусть слабым и ненадежным?

Даже на этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Дело в том, что русская армия так же, как и армия Наполеона, несла небоевые потери больными, отставшими и обмороженными. После сражения за Малоярославец в армии Кутузова находилось в строю 90 тысяч человек, а к концу кампании – 27 тысяч. И это при том, что ее главные силы в этот период в боях практически не участвовали: под Вязьмой, Красным и на Березине действовали лишь авангарды. Отставшие русские солдаты (их в итоге насчитывалось 48 тысяч), в отличие от французов, после лечения и отдыха вернутся в строй, но это будет лишь весной 1813 года, а на ход кампании 1812 года они повлиять уже не могли.

Бегство Наполеона из России, осень 1812
А. Нортен. 1851. Музей-панорама «Бородинская битва»

Несложно понять, почему Наполеон пытался скрыть причины катастрофы, постигшей его армию. Еще бы – человеку, которого немецкий философ Гегель назвал «воплощением Абсолютного духа», не хотелось признавать, что русские его перехитрили, а своими действиями перечеркнули все его гениальные планы. Поэтому он предпочел всё списать на действие сил природы. В таком объяснении оказались заинтересованы и незадачливые союзники России, которым не хотелось признавать ее огромный вклад в победу над Наполеоном. ф.